

О китайской модели экономического развития, истории государства и ценностных установках

Рецензия на книгу: Попов В.В. Китайская модель. Почему Китай отставал от Запада, а теперь его обгоняет. Ереван: Фортис Пресс, 2025. 392 с.

Понарин Э.Д.

Понарин Эдуард Дмитриевич — ведущий научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований (ЛССИ) им. Р.Ф. Инглхарта НИУ ВШЭ, Ph.D (социология).

SPIN РИНЦ: 9068-2720

ORCID: 0000-0002-8568-5840

ResearcherID: L-9297-2015

Scopus AuthorID: 6506442722

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2025-3-1-132-139>

Книга известного экономиста Владимира Викторовича Попова «Китайская модель. Почему Китай отставал от Запада, а теперь его обгоняет» [Ереван: Фортис Пресс, 2025] посвящена изучению экономического подъема Китая. Она, очевидно, мотивирована нелестным для нас, граждан России, сравнением китайского опыта реформ с опытом отечественным. Книга интересна уже в силу избранной темы и поставленных вопросов, а поскольку к тому же написана легким слогом даже в части, касающейся экономической теории, она представляет собой воистину увлекательное чтение.

Автор, имея большой международный опыт, в том числе проживания в Восточной Азии, рассматривает тему очень широко, касаясь не только собственно экономических вопросов, но и связанных с ними вопросов истории, культуры и государственного строительства. Ближе к концу книги он предлагает собственный набросок к теории экономического развития, логически вытекающий из всего повествования.

Соглашаясь с главными мыслями автора в основе, я предлагаю некоторые оценки и замечания, которые написаны с точки зрения социолога и не претендуют на окончательную истину, в особенности в экономической науке. Тем не менее они могут показаться интересными как автору, так и читателям книги.

Одной из основных составляющих в рецепте успешного экономического развития, который предлагает Попов, является наличие сильных государственных институтов, причем не обязательно демократических. Это положение перекликается с социологическими теориями в духе Макса Вебера, ставящими во главу угла сильное государство¹. Впрочем, и видные экономисты, как отмечает автор, различали экономическую катастрофу вследствие несостоятельности рынков и вследствие несостоятельности государств [Leontief 1974].

Трудно не согласиться с этим положением. Задним числом очевидно, что советская перестройка фактически уничтожила государство, а свобода на фоне разрушенных институтов и, как следствие, непредсказуемости и отсутствия долгого горизонта планирования привела к хищническому поведению, в том числе на уровне элит. Подобные явления, как отмечает автор, при отсутствии государственного контроля проявлялись кое-где и в Китае на низовом уровне, например в некоторых селах, где «демократизированные» местные власти и связанные с ними богатеи занимались торговлей женщинами и наркотиками (с. 229). Но если в целом для Китая эпохи реформ подобное поведение скорее исключение, то для России 1990-х годов — скорее правило.

Собственно, главная моя претензия к автору книги — недостаточно последовательное проведение выдвинутого им государствоцентрического принципа. В частности, положение о критической важности сильного государства становится особенно наглядным в свете того, что попытки догнать Запад оказались успешными прежде всего в Восточной Азии. В то время как многие авторы связывают этот успех с особой восточноазиатской культурой (этому соблазну поддается и Попов, о чем позже), существуют расчеты, указывающие на то, что само по себе длительное существование стабильного государства создает устойчивые и самовоспроизводящиеся государственные институты — то, что можно назвать государственным инстинктом или инерцией — причем чем дольше существует стабильное государство, тем сильнее эти институты [Bockstette et al. 2002]. Те же расчеты показывают, что древность стабильного государства статистически связана не только с низким уровнем убийств и т. п., но и с экономическим ростом во второй половине XX в. И неслучайно, что именно государства Восточной Азии могут похвастаться длительной непрерывной историей².

Долгая история стабильного государства сильно меняет общество. Общественный порядок (который измеряют, в частности, низким уровнем убийств, но который проявляется в широком спектре явлений), способность к проектной работе с очень большим количеством исполнителей и другие особенности старых устойчивых государств создают особую институциональную среду, которая во второй половине XX в. сделала возможным подъем Китая, но не (например) Мозамбика.

Чтобы проиллюстрировать эту мысль, я позволю себе привести рассказ своего отца, который служил в авиации во время корейской войны. Нашим летчикам

¹ Теории кризиса государства обобщены Коллинзом [Collins 1999]; см. также [Skocpol 1979; Goldstone 2013].

² С этой точки зрения Япония имеет более стабильную историю, чем Китай, хотя и менее длительную.

нужно было устроить аэродром на территории Китая, прилегающей к корейской границе. Для этого нужно было выбрать подходящую площадку и согласовать свой выбор с местными властями. Местность в тех краях холмистая, и офицер, которому было поручено сделать выбор, замучил китайских товарищей, потому что никак не мог выбрать достаточно безопасную для взлета и посадки площадку: то одно его не устраивало, то другое. Наконец китайцы сказали: «Вот вы говорите, что эта площадка всем была бы хороша, если бы не тот соседний холм. Так что, если мы его сровняем?» Экскаваторов и бульдозеров в Китае тогда не было, во всяком случае в той местности. Однако власти мобилизовали жителей соседних деревень, составили расписание, по которому тысячи людей посменно (чуть ли не круглосуточно) приходили на площадку с кирками, лопатами и тачками и таки снесли этот холм в какой-то очень краткий срок. Организация в плане состыковок разных смен была отличной, дисциплина железной, работоспособность неимоверная. Мораль в том, что и Китай, и Мозамбик на 1950 г. были технологически отсталыми, но Китай, в отличие от Мозамбика, был социально продвинут, что позволяло и в древние, и в новые времена планировать и осуществлять грандиозные проекты.

В книге Попова приводится древняя китайская притча (с. 81), которая удивительным образом перекликается с моей семейной историей:

Отец с двумя сыновьями задумал скрыть две огромные горы, загораживавшие вход в его дом, одними мотыгами. Когда его сосед смеялся и называл его глупым, он отвечал примерно так: горы высоки, но они не растут, так что если я и мои сыновья каждый день будем отнимать от горы понемножку, а потом мои внуки, а потом — правнуки и так дальше, в конце концов мы сдвинем эти горы. Настойчивость Старого Дурака у Северной Горы (именно так переводится его имя — Бэй Шань Юй-гун) тронула Бога, и он послал на землю двух святых, которые перенесли горы. У нас тоже две горы, — продолжал Мао, — империализм и феодализм. Если мы будем неустанно трудиться, чтобы скрыть эти две горы, мы тоже растрогаем бога. Наш бог — это китайский народ, если весь народ поднимется, неужели мы не сдвинем горы?

Еще один пример недостаточного учета государствоцентрических социологических теорий связан с другой составляющей рецепта Попова: экспортно ориентированной экономикой, чьи преимущества противопоставлены импортозамещающей стратегии. Проблема в том, что государства существуют не в изоляции, а в конкуренции или сотрудничестве друг с другом. И поэтому этот ингредиент рецепта подходит не всегда и не всем. Когда в середине XX в. американская экономика составляла примерно половину мировой, выход на американский рынок и рынки, контролируемые США, был критически важен для успеха экспортно ориентированной политики. При этом доступ к этим рынкам зависел от отношений данной страны с мировым центром (ср. Wallerstein). Быстрый подъем Японии и Германии в послевоенное время трудно себе представить без такого доступа. У СССР его почти не было, а у Китая появился в результате сближения Мао Цзэдуна с США в начале 1970-х гг., когда и начинается рост китайского экспорта — да, как верно отмечает

автор, еще до начала реформ Дэн Сяопина (с. 143), но все-таки геополитический фактор при этом он оставляет за скобками, как бы приписывая рост экспорта исключительно факторам внутренней организации.

Однако долгая история представляет государственной бюрократии массу как успешных, так и провальных примеров организации не только внутренней, но и внешней политики — и это еще одно преимущество древних государств. Дж. Даймонд рассказывает об императоре инков, которого после битвы при Кахамарке испанцы многократно обманывали, вымогая всё больше золота, и в конце концов казнили [Diamond 1997]. Дело в том, поясняет Даймонд, что у инков, в отличие от китайцев или европейцев, практически не было истории отношений с другими государствами, поэтому в этих вопросах они были совершенно неискушенными и наивными³. Китайские же летописи, скажем, эпохи Троецарствия (III в. н.э.) или даже более древние, предоставляют массу сведений о том, как враждующие государства и руководители вступают в коалиции друг с другом, а потом предают, и в итоге побеждает самый хитрый. Эти сюжеты знают все китайцы, поскольку они легли в основу до сих пор популярных романов и пьес. Возможно, Мао поэтому был хитрее не только инков XVI в., но и некоторых современных ему руководителей.

В связи с этим вызывает категорическое несогласие утверждение автора о том, что Китай не имел возможности участвовать в «развитии по приглашению» по Валлерштейну (с. 51): американский капитал, технологии и доступ к рынку, безусловно, сыграли критически важную роль в подъеме китайской экономики. Попов считает, что Китай сделал предложение, от которого США не смогли отказаться, кредитую США и позволяя им потреблять больше, чем производить. Ценность такого «подарка», на мой взгляд, весьма неоднозначна, но в любом случае без благоволения США развитие Китая шло бы совсем по другой траектории.

В наши дни, конечно, экономический расклад сил уже сильно изменился, вследствие чего появляется возможность установления более-менее независимых от Запада масштабных торговых связей и, соответственно, успеха экспортной стратегии. Однако, поскольку такое развитие событий подрывает западную монополию, мы видим сопротивление с его стороны в виде различных торговых ограничений, а также и силового давления вполне в духе веберовских теорий [Collins 1999]. Разрешение этих противоречий является важным не только в плане мировой политики, но и в плане экономического развития, прежде всего незападных государств. Вероятно, мы скоро станем свидетелями разрешения этого конфликта; во всяком случае, это приоритетный вопрос в мировой повестке дня⁴.

Недооценка роли конкуренции государств и силового престижа проявляется у автора и в некоторых частных моментах. Например, мысль о том, что критически важная переменная русской революции — земельное неравенство (с. 105–108), не подтверждена в книге вычислениями, но при этом автор оставляет за скобками

³ Длительная самоизоляция советских элит привела в итоге к такой же наивности и печальным результатам в период сближения с Западом.

⁴ Занижение валютного курса, который Попов выделяет в отдельную составляющую успеха, я не рассматриваю, поскольку она, в сущности, является частью экспортно ориентированной стратегии.

роль Первой мировой войны, которую проиграли не только русские (потерявшие больше всего людей), но и немцы (в том числе австрийцы), и все их империи распались на фоне революционных движений. Да и предыдущая революция 1905 г. была явно связана с поражением в Русско-японской войне, которое всколыхнуло подъем национальных движений и в самой России, и в странах Востока, впечатленных успехом модернизированной восточной державы.

Трудно в принципе оспорить другую ключевую составляющую рецепта успеха, предлагаемого Поповым: накопление внутренних сбережений для инвестиций. При этом автор отдает приоритет внутренним инвестициям перед иностранными, поскольку первые — свидетельство здоровых институтов, а последние в отсутствие первых не гарантируют успех. В Англии периода накопления капитала, пишет автор, правящий класс пошел на риск социальной нестабильности, чтобы выжимать соки из населения, а затем накапливать и инвестировать, а в Китае в XVIII в. (или еще раньше) — нет, и в итоге Китай отстал от передовых европейских стран. Источник этой разницы видится автору в конфуцианском стремлении китайской элиты к внутренней гармонии, в ее коллективистской ориентации. Разумеется, существуют и другие объяснения этой разницы. Так, Даймонд указывает на очень раннюю концентрацию власти в Китае в едином центре, что привело к подавлению любой масштабной конкуренции в принципе [Diamond 1997]; Коллинз также пишет о страхе властей восточноазиатских обществ перед конкуренцией со стороны нарождавшихся независимых крупных экономических игроков, которых в итоге уничтожили [Collins 1999]; а Норт с соавторами объясняет английский опыт особой структурой стимулов, сложившихся в эпоху Великих географических открытий: сил малочисленной старой элиты банально не хватало для эксплуатации огромных захваченных территорий, вследствие чего ее ряды пришлось расширить, допустив автономию корпораций [North, Wallis & Weingast 2009]. Развернутое объяснение феномена Европы также предлагает Голдстоун [Goldstone 2008]. Впрочем, никакая книга не может охватить всю вселенную объяснений, и автор в построении своей теории волен выбирать то, что ему кажется наиболее важным и интересным.

Но раз уж автор придает большое значение культурным особенностям Китая, в том числе ценностным установкам, я не могу на это не отреагировать, поскольку и сам посвятил много времени подобным исследованиям. Для начала хочу отметить, что всем людям, в том числе ученым, свойственно грешить в атрибуции каузальности. Успеху свойственно производить гало-эффект, когда за причины успеха принимают его следствия или даже вовсе не имеющие к нему отношения особенности объекта, вызывающего восхищение. Несмотря на то что я лично убежден, что культура в самом деле имеет значение, в том числе для экономического развития, установление каузальных связей экономики и культуры до сих пор, к сожалению, остается спорным предметом и зачастую чревато ошибками.

В своей книге Попов придает большое значение ценностному измерению «индивидуализм — коллективизм» (ИНД—КОЛЛ); коллективистская ориентация Китая, по мнению автора, во многом объясняет его траекторию развития, начиная от упомянутого выше отказа от накопления капитала «английским» методом и заканчивая реформами Дэн Сяопина. Между тем недавние исследования цен-

ностных установок показывают, что Китай (и вообще Восточная Азия) выделяется из остального мира не столько по хорошо изученному измерению ИНД—КОЛЛ; у Восточной Азии показатели по этому параметру чуть выше российского и среднемирового уровней и существенно ниже Северной Европы [Minkov et al. 2018]. Зато Восточная Азия сильно выделяется по недавно предложенному ортогональному к ИНД—КОЛЛ измерению «гибкость — монументализм» [Minkov et al. 2018]. Монументализм — уверенность человека в своем совершенстве и способность эту уверенность сохранять, несмотря ни на какие провалы; крайний полюс — это экваториальная часть Латинской Америки и Африки. Напротив, Восточная Азия — это полюс гибкости в том смысле, что люди в этом регионе склонны считать себя несовершенными и поэтому нуждающимися в (само)коррекции. При взгляде под слегка другим углом получается, что в Восточной Азии распространена культура стыда, стремления не быть осужденным ближним и не потерять лицо. Возможно, поэтому, как отмечает Попов, в Японии не было дуэлей в европейском понимании слова, зато были распространены «самоубийства чести».

Так или иначе, данное ценностное измерение на уровне стран коррелирует с рядом интересных показателей, таких как (для полюса гибкости) исключительная редкость безотцовщины, низкие показатели ожирения, высокие показатели по академическим достижениям в школе и распространенность близорукости (вероятно, потому, что усердно учатся и много читают). Я полагаю, что и статистика заболеваний, передаваемых половым путем (крайне низкая в Китае), отмечаемая Поповым, тоже является отражением ценностной установки, которую Минков назвал «гибкостью».

Ценность, придаваемая образованию, можно отчасти толковать как результат многовековой традиции назначения китайских чиновников по результатам государственных экзаменов. Эта меритократическая система, обеспечивая качество элиты, в то же время служила социальным лифтом и придавала образованию особый престиж. Таким образом, и эта культурная особенность, вероятно, связана с древней государственной традицией. В наши дни она, безусловно, также способствует и экономическому росту.

Тем не менее логика, описанная Карлом Полаanyi в «Великой трансформации» и сводящая все человеческие отношения к экономическим транзакциям, судя по всему, воздействует и на культуры Восточной Азии. Медведев с соавторами отмечают, что Восточная Азия по сравнению с Западом все еще более склонна реагировать на нематериальные стимулы [Medvedev et al. 2024]. Однако если внимательно посмотреть на разницу между Китаем и Японией в представленных ими графиках и таблицах, то можно заметить, что Япония ушла дальше Китая по пути «Великой трансформации», что, вероятно, связано с более длительным периодом капиталистического развития по западной модели⁵.

⁵ Кстати, хотя Попов выставляет претензию либералам за убеждение в том, что свобода способствует экономическому росту, либеральные теоретики модернизации прекрасно отдавали себе отчет в сложном характере (опосредованном и двустороннем) каузальных связей между ценностями, институтами и экономическим развитием, что подтверждалось ими тонкими расчетами. См., напр., [Welzel 2013].

Нельзя не согласиться с положением Попова, что чрезмерное неравенство подрывает качество институтов. Очень вероятно, что трансформация внутренней политики в Китае при нынешнем руководителе и в самом деле, как показывает автор, является отчасти реакцией на недовольство неравенством, резко выросшим в результате реформ, начатых Дэн Сяопином. Это наблюдение перекликается с отмеченным моими коллегами еще в конце 2010-х гг. парадоксальным падением субъективного благополучия в Китае на фоне быстрого экономического роста, которое они связывают именно с ростом неравенства [Brockmann et al. 2009].

В то же время обобщенное утверждение Попова, что вестернизация портила институты, увеличивая неравенство (а с ними — преступность и коррупцию), вероятно, приложимо только к странам, имевшим сильные доморощенные институты (наверное, к тому же Китаю), но вряд ли, например, к экваториальной Африке, где институты были племенными, а не государственными. Также и рассуждение автора на с. 49–50 в том же духе о вестернизации России Петром Первым, на мой взгляд, страдает анахронизмом; окончательное закрепощение, превратившее большую часть населения в бесправных рабов, произошло при Борисе Годунове (вероятно, в 1592 г.) — задолго до Петра, но при этом чуть позже, чем крепостное право отменили в Англии (1574).

У меня остаются замечания более частного характера, которые я оставляю при себе, чтобы не выйти за рамки пределов объема в написании рецензии. Критика в моих замечаниях ничуть не отменяет ценности книги, как в плане познавательном, так и в эстетическом.

Библиография⁶

Bockstette V. et al. States and Markets: The Advantage of an Early Start // *Journal of Economic Growth*. 2002. No 7. P. 347–369.

Brockmann H., Delhey J., Welzel C., Yuan H. The China puzzle: Falling happiness in a rising economy // *Journal of Happiness Studies*. 2009. Vol. 10. No 4. P. 387–405.

Collins (1999): Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015.

Diamond (1997): Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ. М.: АСТ, 2010.

Goldstone (2008): Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Goldstone (2013): Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.

Leontief W. Sails and Rudders, Ship of State // *Capitalism, the Moving Target* / Silk L. (ed.). New York: Quadrangle Books, 1974.

Medvedev D., Davenport D., Talhelm T., Li Y. The motivating effect of monetary over psychological incentives is stronger in Western cultures // *Nature Human Behaviour*. 2024. No 8. P. 456–470.

⁶ По возможности я даю ссылки на русские переводы цитированных источников.

Minkov M. et al. What Values and Traits Do Parents Teach to Their Children? New Data from 54 Countries // *Comparative Sociology*. 2018. No 17. P. 221–252.

North D. C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge University Press, 2009.

Skocpol (1979): Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

Wallerstein I. M. *The Capitalist World-Economy*. Cambridge University Press, 1979.

Welzel (2013): Вельцель К. Рождение свободы. М.: ВЦИОМ, 2017.